

ОНА - заведующая отделом культуры Октябрьского райисполкома Москвы. Он - заведующий музыкальной частью Театра-студии Олега Табакова. А вместе они - Татьяна и Сергей Никитины, которые, сменив профессии биофизиков, не изменили главному своему призванию - песне. И зрители им не изменили! Я думала, что легко попаду на концерт, но не тут-то было. Билеты, сказала администратор в Доме культуры МГУ, кончились две недели назад. Зал был полон - и публика была не ностальгическая, а студенты-младшекурсники, которые еще и подпевали с азартом и радостью, и откликались на каждое слово, летевшее к ним со сцены. Есть нечто такое в их песнях, что важно было вчера и важно будет завтра, и не устареет, и не окажется скучным, и перед чем отступают страсти сегодняшнего дня. Я знаю, что это такое, и вы знаете, если любите их песни: это истинность искусства. Как ни выспренно звучит, а это так.

ТАТЬЯНА И СЕРГЕЙ НИКИТИНЫ:

А ДАЛЕЕ СЛЕДУЕТ - ЖИТЬ...

Можно, я расскажу вам удивительную историю о том, как человек, покоренный именно тем жанром, который вы представляете, решил изучить русский язык? Он швед, переводчик, живет в Дании, соответственно переводит со шведского на датский. В Копенгагене был концерт Кима, Окуджавы, Ахмадуллиной, и он, человек любопытный, пошел. Выбрал какого-то зрителя попроще, оказалось - рыбак; спросил - почему человек пришел на концерт. Человек говорит - хочу посмотреть, такие ли советские страшные, как я их себе представляю. И вот переводчик загорелся выпустить книгу Кима на датском языке, теперь всюю учит русский и обнаруживает удивительное понимание языковых тонкостей, которых у Кима множество. Известно, что во многих университетах на Западе читают спецкурсы по советской авторской песне.

Сергей: Да. Мы столкнулись с этим во Франции в университете Клеши. Там на русском отделении изучают наших бардов как некое культурное явление. Знакомы с современным русским языком через Высоцкого, через Окуджаву, через Кима. Мы у них побывали, и какие-то наши материалы у них, очевидно, будут. Мне кажется - это закономерный интерес, потому что авторская песня и поэзия концентрируют культурный опыт, и не только современный, но и основанный на традициях. Поэтому одна песня того же Кима дает большое представление о состоянии культуры и языка.

Татьяна: Я знаю, в Германии даже какие-то диссертации писались. Но я поостереглась бы вот так, как Сергей, говорить, что они тем самым стараются составить впечатление о культурном облике общества. Ведь этот факультатив назывался - подпольная советская песня. Это была некий срез состояния общества в смысле какого-то познания наших настроений. Но я склонна думать, что те радости, которые нам дает и давала авторская песня, были гораздо шире. Те же Ким и Высоцкий в некотором смысле непередаваемы. У каждого народа есть своя манера шутить, намекая, она основана на каких-то национальных ассоциативных связях. А то, что мы делаем, вырастает из русского городского романа, его традиций; вот в этом, видимо, и пытаются разобратся.

Вы когда-нибудь сталкивались с неожиданным восприятием ваших песен?

Т.: В печати нет, но у нас есть друзья, они люди непоющие, но их мнение мы чрезвычайно дорожим. Как-то драматург А. Галин сделал совершенно неожиданный анализ концерта, он обращал внимание на то, как мы

дышим, какие паузы делаем, то есть реагировал на вещи, на которые обычно внимания никто не обращает.

С.: Вообще ваш вопрос для меня несколько странный: чтобы найти необычные отклики, нужно иметь набор обычных, но мы и этого не имеем. 95 процентов публикаций касаются разговоров вокруг - а как вы совмещаете, а есть ли у вас дети... И ни разу ни один из корреспондентов не сделал просто обычную рецензию, о самом главном никто еще не поговорил. Поэтому найти еще и что-то неожиданное...

Т.: Была одна удивительная женщина из консерватории или из Гнесинского? - профессор Попова Татьяна Васильевна. Она рассматривала авторскую песню как некое фольклорное явление. Вот нашему советскому року, может быть, самое большое везение в том, что к нему отнесся серьезно умный, образованный человек - Артем Троицкий. Он может быть и не в силах качественно стимулировать советский рок, но он помогает людям осознать, что они такое и каково их место в мировой культуре.

Боюсь, что чем выше степень политизированности общества, тем ниже его интеллектуальный заряд. И, наверное, в людях, которые приходят на ваши концерты, говорит инстинкт самосохранения личности: на ваших концертах всегда главным было тихое, спокойное внимание к каждому отдельному человеку. Это ваш принцип?

С.: Принципа мы не формулировали, наверное, это идет от поэзии, это вообще свойство поэтов - они обращаются от собственного имени к кому-то, и если это послание находит отклик, то у человека и появляется такое ощущение, что это - для него. Но ведь, собственно, и я, когда пытаюсь сочинять и вообще прорабатывать большое количество стихов, то тоже ищу послание ко мне. Мы не привязываем программу к сегодняшнему дню, но так получается, что именно сегодня находим отклик то, что раньше как бы не замечалось.

Т.: Вот мы пели Володина, стихи, которые написаны 15 лет назад, "Прибалтийский роман", как мы его называем, и он теперь почти как конъюнктурная вещь звучит. Все

подтексты, которые и раньше существовали, только сегодня стали всем слышны и ясны. Каждый из нас больше того, что мы проживаем. Поэтому так важно показать - особенно нашим детям - масштаб между днем, прожитым сейчас, и местом человека на земле. И мне кажется, что музыка и поэзия как раз способны это сделать. Потому что даже в самые страшные дни несчастий и лишений человек все-таки выше того, что на него обрушивается.

Если неустанно, с любовью и верой поливать высохшее дерево, то оно может зацвести...

Т.: Может быть, я примазываюсь, но мне кажется, что наша судьба - это судьба культуры в нашей стране. В том, что сегодня нередко барды поют в запущенных залах, есть небрежность нашего общества к людям, которые умеют что-то хорошо делать. У нас ведь очень небрежно относятся к творцам, к художникам, да и вообще к человеку. Мы лишены уважения. Мы все получили право - и в этом наше равенство - поклониться друг другу в лицо. Не право на уважение, а право поклониться друг другу в лицо. Мы поем на языке Пастернака. А тот язык, которым пользовался Пастернак, много лет был антигосударственным: он требовал ассоциативных пониманий, образованности, мысли. Поэзия Пастернака была не в чести, поскольку требовалось, чтобы все было понятно. Теперь, конечно, тиражи выросли, но ведь массовое огульное уже случилось. Сейчас мы пожинаем его плоды. Именно поэтому авторскую песню никогда не пропагандировали так, как того достойна была эта песня. Это жанр, который очень легко скомпрометировать: пустить плохую запись, когда записывалось через плохие микрофоны, с не очень хорошими гитарами. И все - начинается самодетальность в самом уничижительном смысле этого слова.

Пение - давным-давно ваша профессия. А вы волнуетесь перед концертом?

С.: Да, конечно. Но то, что я испытывал когда-то давно, и то, что теперь, - совершенно разного рода волнения. Когда-то я переживал за какие-то технические моменты, бывали

случаи, когда мы попадали не совсем в свою обстановку, впервые на сцену Театра эстрады или концертного зала "Россия", - теперь другие проблемы. Когда так плохо в стране, люди не только голодают, но их уже и убивают, как в Тбилиси, в Вильнюсе, то чувство такое - зачем мы вообще поем, вроде не до песен; правильно ли ты делаешь, что поешь?

Т.: Знаете, вот я наблюдаю Сергея - у меня переход от жизни к сцене почти незаметен; я вот как в жизни - так и на сцене, даже одежду не меняю, в чем на работу - в том и на сцену. А вот Сергей качественно меняется. Он как-то иногда вот такой сонный, ленивый, замедленный, - и, наверное, в это время он что-то аккумулирует, чтобы вынести и выдаться на сцену. Последний шаг при переходе на сцену - всегда в неизвестность. Я даже не знаю, как найти эти слова... То, что мы делаем, сродни джазу в том смысле, что это импровизация, и не всегда она может состояться; это такое рукодельное дело, которое творится на глазах у всех. И если нет обратной связи со зрителем, то у нас все рассыпается. Ну, конечно, мы набрали уже достаточно профессионализма для того, чтобы не сбиться, но бывает, что начинаем и сбиваемся, потому что эти биологические, интеллектуальные поля в какой-то "энтропии" несладко валяются, и тогда очень трудно. Надо потратить массу душевных сил, чтобы настроить людей на свою волну, перевести на особенную человеческую ноту. Ведь мы поем о том, что важнее жизни - в самом высоком понимании этого слова - в общем-то, ничего нет.

Вам дарят на концертах подарки, которые были бы вам очень дороги?

С.: В Нижнем Новгороде мне одна девушка подарила книгу воспоминаний о Сахарове, тут, конечно, испытываешь многое, и такие моменты очень дороги, потому что видишь уровень взаимопонимания. Недавно зайца подарили, и понятно, что этого зайца поношенного, теплого такого, ребенок, как говорится, от сердца оторвал. Ежиков дети дарят, именно не из магазина, а своих.

Т.: Мы многое теряем из того, что нам дарят. Наш быт и

наша квартира не позволяют нам устроить, например, какую-то выставку подарков. По сути своей мы остались студентами с легким студенческим отношением к вещам. Я не хочу сказать, что мы хотели бы лишиться нашей одежды, мебели, но это - все-таки второго порядка вещи. Мы не накопители, не коллекционеры, даже, можно сказать, безалаберные в этом отношении люди. Гитары вот, пожалуй, лишиться было бы страшно, книг...

У нашего времени, на мой взгляд, один большой плюс: оно заставляет нас больше дорожить нашими семьями и нашими друзьями.

Т.: Нет, знаете, мы и раньше так же дорожили. Недавно нам прислала письмо наша бывшая соотечественница - познакомились мы с ней в Америке, а живет она теперь в Дании. Она приглашает нас в гости, пишет: "Вы можете у нас жить месяц, два, мне кажется, мы сойдемся по-человечески". И я очень тронута этим письмом, это жест доверия, ведь она нас в общем-то совсем не знает, она была только на одном концерте.

Но ведь вы делаете куда больший жест доверия, когда выходите на сцену.

Т.: Да, меня однажды поразил вопрос одной юной журналистки в Киеве: "А вы не боитесь так обнажаться?" Фактически все у нас, как на ладони. Это и по жизни моя манера, я очень незащищенный человек, все у меня нараспашку. Я смотрю на нашего сына - они совсем другие, они себя оберегают и огораживают, их на мякине уже не так просто провести, как нас проводили.

Как вы думаете, есть ли нечто непреодолимое в ваших отношениях с нынешней молодежью?

Т.: Есть. И, как ни смешно, я не хочу лицемерить, это вопрос - уехать или остаться. Он над многими висит. И, не скрою, мы тоже обсуждали его. И вдруг недавно - передача по телевизору. Просто студенты какого-то радиотехнического? - института отвечали на вопрос: "Если бы была возможность - ты уехал бы?" Человек 25, парней, девушек, все до одного ответили: уехал бы. Без колебаний. Сто процентов. Вот это меня, честно сказать,

потрясло. Любовь к родным очагам - она не зависит все-таки от системы. Сталкаясь с теми, кто раньше уехал на Запад, видишь - даже они, обросшие уже машинами, домами и так далее, оставили здесь полжизни. И на наших концертах мы понимаем: они безмерно тоскуют, даже скрывая это от самих себя. Тоскуют по культуре, по общению, которое у нас есть. Ну в конце концов ты же не можешь командовать своей памятью! Это не разделяет, нет, это то новое, что пришло в жизнь с новым поколением. Конечно, мы по-другому видели жизнь, чем они теперь видят, и, может быть, это наше заблуждение позволяло нам привязаться душой к чему-то, любить что-то, а вот у них уже этих привязанностей и связей нет. Не с осуждением - ни в коем случае! - а с ужасом, с ужасом я смотрела на экран. Ведь это же им, им мы все должны оставить, для них должны эту жизнь переиначить, а они не хотят. Не поголовно все, но это примерный срез молодежи. Умом-то я понимаю, почему. Я могу это объяснить: они видят, что все, чем мы жили, фальшь, ложь... И все-таки есть еще что-то! А вот они этого чего-то не знают.

С.: Танечка, мне кажется, что это водораздел не между поколениями. Ты можешь найти разные мнения по этому поводу внутри любой возрастной группы. Это не вопрос отцов и детей. Конечно, мы ощущаем некую пропасть. Но в то же время есть и связующие нити. Есть дети наших друзей, есть дети наших слушателей. И то, что на наших концертах постоянно маленькие дети с родителями (мы никогда не возражаем против детей в зрительном зале, мы только за), это как раз та общая кровеносная система, которая объединяет нас не только по горизонтали, но и по вертикали.

Мне кажется, что с годами наступает какое-то насыщение дружескими отношениями, и уже совсем не хочется заводить дружбы с какими-то новыми людьми. У вас никогда не возникало чувства самодостаточности вашего дружеского круга?

С.: Не знаю, мы не думаем об этом.

Т.: Конечно, бывает, что хочется побыть одному. Особенно я сейчас на новой работе - так много передо мной за день людей проходит, я иногда возвращаюсь домой с какой-то иссушенной душой. Столько отдал за день, что просто хочется побыть одному. Но сказать так, что у нас всего в дружбе достаточно и мы не хотим больше новых людей, - этого нет. Мы открыты для контакта. Сергей больше склонен к компромиссам, а я - нет, есть у меня такой недостаток. Порой надо уметь держать дистанцию: тесное общение выдерживают не все. Вообще до поры до времени мы на жизнь смотрели как бы через розовые очки, потому что постоянно были в какой-то нише единомышленников, одинаково с нами воспринимавших идиотизм нашей жизни. Это было тихое противостояние системе, которое позволяло нам быть людьми порядочными и не врать хотя бы друг другу. Мы и избаловались как-то такими людьми. У нас нет мании величия, нам действительно было очень смешно, когда вы сегодня спросили - нет ли у нас телохранителей, как у каких-нибудь звезд. Этот жанр, в котором мы работаем, он не предполагает фанатиков, в нем неприлично выказывать какое-то горячее поклонение, поджидать у подъезда и так далее. Некоторая наша известность, которой мы сами не придаем большого значения, скорее, накладывает на нас какие-то обязанности. Кто знает нас, подтвердит: мы несколько не изменились со студенческих лет. Какими мы были с нашими недостатками - такими и остались.